

САДЗЫ В АБХАЗСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

Исторические процессы на Западном Кавказе отразились, прежде всего, в языке и фольклоре абхазов и адыгов. Впоследствии фольклорные сюжеты и образы легли в основу поэтической структуры многих произведений национальных писателей. Близкие сюжеты можно обнаружить в абхазской легенде об озере Рица и адыгском предании об озере Шатхурей¹; в абхазских и адыгских фольклорных произведениях (песни, плачи «гыбза», героические сказания) о Кучуке, сыне Аджгерия (абх.:

Аджгери-ипа Кучук, адыг.: Аджигерийко Кучук)². Кучук — историческая личность. В абхазских сказаниях он абхазский герой, в адыгских — адыгский. Кучук был одним из популярных персонажей 30–40-х гг. XIX в. Он прославился дерзкими набегами на позиции царских войск.

Вспомним первую строфу поэмы И. Когониа «Зосхан Ачба и сыновья Беслана Жанаа», которая написана на фольклорной основе:

Живший в Шапсугии Зосхан Ачба,
В свое время был большим человеком.
Своей страной и народом
Правил он единолично.

(здесь и далее подстрочные переводы мои. — *В. Б.*)

¹ **Шинкуба Б. В.** Золотые россыпи (Абхазские устные народные сказания и этнографические материалы; на абх. яз.), Сухум, 1990, с. 385–388; **Фольклор адыгов** в записях и публикациях XIX — начала XX века (сост. и автор вст. статьи А. И. Алиева; комм. А. И. Алиевой и А. М. Гутова), Нальчик, 1979, с. 223–224.

² **Адыгейские песни** времен Кавказской войны (сост. А. М. Гутов, В. Х. Кажаров, Н. Г. Шериева; вст. статьи А. М. Гутова и В. Х. Кажарова), Нальчик, 2005, с. 166, 216–241; **Шинкуба Б.** Золотые россыпи, с. 50–51, 466; **Абхазское народное поэтическое творчество.** Хрестоматия (сост. Ш. Х. Салакая; на абх. яз.), Тбилиси–Сухум, 1975, с. 287–292; **Абхазские народные историко-героические сказания** (записал, подготовил к печати, пред. и комм. С. Л. Зухба; на абх. яз.), Сухум, 1978, с. 57–60.

В. Цвинариа, анализируя поэму И. Когониа, отмечал: «Сегодня абхазский читатель с удивлением может спросить: где в Шапсугии жил Зосхан Ачба? Здесь могут быть два мнения: первое — в древности контакты между адыгами и абхазами были более тесными и близкими; благодаря этому среди адыгов жили и абхазы. Вторую точку зрения выдвинул Л. Лавров: «Нами давно уже была выдвинута гипотеза о длительном процессе сокращения численности абазин из-за многовековой ассимиляции их адыгами и о том, что ряд адыгских «племен» (шапсуги, абадзехи, бжедуги) были прежде абазинами и говорили на абазинском языке³». Если исходить из этой гипотезы, Зосхан Ачба был абазинским князем. О том, что абазины и абхазы генетически и по языку один народ, писали ученые. Можно сказать, что Шапсугия была землей абазин-абхазов»⁴.

Историческая наука обычно не рассматривает фольклорный материал, как источник. Но героические сказания и предания часто возникают на основе исторических событий, установить которые не всегда удается. Шапсуги жили на Северо-Западном Кавказе, между реками Джубга и Шахе (т. н. Малый Шапсуг) и в высокогорных лесистых областях на северных склонах Кавказского хребта по рекам Анхир, Абин, Афине, Бакан, Шипе и др. (Большой Шапсуг). С. Броневский писал, что шапсуги «числом... до 10 тысяч семей неоднородных колен, но составленных от смешения черкесов, абхазов и частью татар...»⁵. Как оказался представитель абхазской великокняжеской фамилии Ачба, восходящей, как предполагают историки, к династии Леонидов (абхазских царей), на крайних пределах Северо-Западного Кавказа? Причину этого можно объяснить тем, что северо-западные границы раннесредневекового Абхазского царства достигали до р. Кубани (Малой Хазарии).

Определенные исторические события конца XVIII — первой половины XIX в. легли в основу адыгских и абхазских сказаний о Бесльние Абате (адыг.) и Абатаа Беслане (абх.), которые и были использованы адыгским писателем, историком, этнографом и просветителем XIX в. С. Хан-Гиреем (1808–1842) в произведении «Бесльний Абат» и абхазским поэтом И. Когониа (1904–1928) в поэме «Абатаа Беслан». Но возникает закономерный вопрос: идет ли речь в этих произведениях об одной и той же исторической личности или это случайное совпадение имен и фамилий? С моей точки зрения, случайных совпадений здесь нет. В данном случае мы вновь сталкиваемся с теми историческими реалиями, о которых сказано выше. Даже один из абхазских сказителей утверждал: «Абатаа жили выше Сочи, до сих пор эту территорию называют

³ Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа, Л., 1978, с. 41.

⁴ Цвинариа В. Л. Утренняя звезда (Жизнь и творчество И. Когониа; на абх.яз.), Сухум, 1979, с. 37–38.

⁵ См.: **Новейшие известия о Кавказе**, собранные и пополненные Семеном Броневским, в 2-х т., СПб, 2004, с. 152.

«место обитания Абатаа»⁶. Но необходимо заметить, что при всей исторической идентичности Бесльния Абата и Абатаа Беслана, их фольклорные и литературные образы различны. Герой С. Хан-Гирея - шапсугский дворянин, мужественный и деятельный человек с ораторскими способностями и гибким характером, но был весьма жесток, коварен, мстителен и беспощаден к своим обидчикам, сметал на своем пути к славе конкурентов. В своих злодеяниях Бесльний больше похож на князя Зосхана Ачба из поэмы «Зосхан Ачба и сыновья Беслана Жанаа». Невзрачный на вид, но мужественный и хитрый Зосхан был беспощаден к тем, кто пытался соревноваться с ним:

Он избавлялся от того, кто решил соревноваться с ним,
Продавал его в неволю,
В своем селе он был жесток,
Кто ненавидел его, их он уничтожал беспощадно⁷.

Не пощадил Зосхан и славных сыновей Жанаа Беслана, когда почувствовал их превосходство над собой. Он, как и Бесльний, тщательно подготовил набег на сыновей Беслана: для того чтобы избежать возможной мести со стороны близких братьям Жанаа, он выяснил, есть ли у них ближайшие родственники в Абхазии и на Северном Кавказе; привлек к этому гнусному делу ряд абхазских князей. В поэме Зосхан Ачба показан, как исключительно жестокий, бессердечный человек, который «прославился» своими кровавыми набегами и разорением целых родов. Поэтому он не пользовался добрым авторитетом в народе; люди его остерегались, избегали встречи с ним даже его братья и родственники.

По мнению некоторых адыгских литературоведов, у абхазов сохранилась память о Бесльнии Абате (имеется в виду Абатаа Беслан), но в другой его интерпретации, «выявив в его характере только положительные черты»⁸. Тем самым, они признают историческую идентичность Бесльния Абата и Абатаа Беслана. Действительно, в абхазских историко-героических песнях и сказаниях Абатаа Беслан в основном показан, как героическая личность, в которой народ воплотил свои представления об идеальном типе абхаза, о мужестве, отваге, нравственном человеке и т. д. Именно с такими людьми народ связывал свои надежды. Однако известны сказания, в которых образ

⁶ Шинкуба Б. Золотые россыпи, с. 50–51, 465.

⁷ Когониа И. А. Стихотворения и поэмы; на абх. яз., Сухум, 1955, с. 65.

⁸ Тхагазитов Ю. М. Духовно-культурные основы кабардинской литературы, Нальчик, 1994, с. 91; Хакуашев А. Х. Адыгские просветители, Нальчик, 1973.

Беслана не полностью совпадает с представлениями об идеальном рыцаре. В одном сказании о Беслане, записанном Ш. Салакая в 1960 г. со слов старца Бардыгуа Таниа в с. Пакуаш Очамчирского района Абхазии, встречается два рассказа о женитьбе героя. Первый рассказ — весьма редкий и связан с прекрасной сестрой семи состоятельных братьев — Камчой. В нем не изображены героические поступки Беслана; сказитель дает скромное описание его характера и портрета. Исключение составляет гипербола, использованная при описании действий Беслана против своего соперника — жениха Камчи: он его несколько раз кидал высоко вверх и ловил, превращая в беспомощного человека. Очевидно, что этот мотив появился в сказании под влиянием Нартского героического эпоса, в котором Сасрыква так поступал со своими братьями.

Беслан, услышав о Камче, поехал с друзьями повидать ее. Когда они подъехали к дому семи братьев, он на коне перепрыгнул через высокую ограду, желая продемонстрировать свое удальство, и таким же образом возвратился к друзьям. Этим и закончилось первое знакомство. Во время второго посещения девушки, как и в первом случае, братьев не было дома. На этот раз он сидел в зале, а она в своей комнате; оба запели, играя на музыкальных инструментах, ачамгуре и апхярце. Это было своеобразным музыкальным откровением. Братья не узнали об этом. Но если бы и знали, не чинили бы препятствий, поскольку он, будущий зять, знаменит. Однако Беслан не спешил со свадьбой, посчитав, что некрасиво после знакомства сразу жениться. В итоге братья решили выдать сестру замуж. Устроили пышное застолье для свадебной процессии со стороны жениха. Камча притворилась больной, надеясь, что появится Беслан и увезет ее. Через несколько дней он с друзьями явился, как гость; в его честь братья обновили застолье. Надежды девушки не оправдались. Когда он, придерживаясь этических принципов, объяснил Камче, что он не может посягать на чужую невесту, девушка огорчилась. Она поняла, что Беслан окончательно отдалился от нее. Тогда Камча попросила хотя бы сопровождать ее до корабля, где она и умерла. Беслан чувствовал себя виноватым, но было поздно. В конце повествования сказитель, оценивая действия героя, добавил, что «Беслан совершил грех... Он мог увести Камчу»⁹.

В устно-поэтическом творчестве абхазов сохранились следы «садзского фольклора», которые не обнаруживаются в адыгском фольклоре, хотя некоторые садзские герои, о которых народ слагал песни, создавал сказания, видимо, были известны среди горцев Северо-Западного Кавказа. В фольклорном наследии абхазов

⁹ **Абхазский фольклор** (запись текстов, пред. и прим. Ш. Х. Салакая; на абх.яз.), Сухум, 2003, с. 228–235, 238.

заметное место занимают героические песни и сказания о Пшкиач-ипа Манче и Баалоу-пха Мадине, о Инапха Киагве, которые выступают защитниками народа и родины, о Куджбе Капыте и др. Эти произведения встречаются в стихотворной (песенной) форме и прозе. Но прозаические сказания отличаются скудостью художественных средств, а песни насыщены эпитетами, сравнениями и гиперболоми. В них отразились древние поэтические традиции абхазов, в частности героических песен о нартах.

Примечательна песня о храбром Манче и Баалоу-пха Мадине¹⁰. Действия происходят в Малой и Большой Абхазии (Садз Манча родом из Ахчипсы. В одном варианте сказания, записанном В. Кукба, отмечено, что он из Дала¹¹). В начале же песни создается героический образ Манчи: он «герой с храбрым сердцем», «неутомим в ходьбе», «непобедим в борьбе», «был знаменит в своей стране», «его имя было известно на севере и на юге». Но пришла пора жениться. И дошла до него весть о прекрасной сестре семи братьев Баалоу-пха Мадине из Цабала (Цебельды). Он решил отправиться в Цабал. Далее рисуется величественный портрет героя:

Коня, что стал строптив и дик,
Что за год от седла отвык,
Он оседлал седлом расшитым,
Во всей округе знаменитым.
Надел он пояс золотой,
Кинжал с чеканкой дорогой,
Башлык, на белый снег похожий,
Чувяки из отменной кожи —
Такие, что носок к носку;
Повесил шашку на боку
Да пистолет, бойца достойный,
И сам — плечистый, гибкий, стройный,
Гарцуя на коне гнедом,
Неспешно свой покинул дом¹².
(перевод С. Липкина)

Создан и портрет красавицы Мадины:

¹⁰ См. варианты в книгах: Шинкуба Б. Золотые россыпи, с. 64–78; Абхазское народное поэтическое творчество, Тбилиси–Сухум, 1975, с.243–256; Абхазские народные историко-героические сказания, Сухум, 1978, с.35–42.

¹¹ См.: Кукба В. И. Избранные труды. На абх. яз., Сухум, 2007, с. 269.

¹² Антология абхазской поэзии. М., 1958, с. 46–47.

Нет солнца — светится она,
Блестит, хотя и не луна;
Она затмила всех кругом,
Чьи косы были под платком.

К ней сватались из разных мест, ахчипсувские, абазинские и черкесские парни:

Им не внимала Мадина.
Увидев свата из окна,
Не говорила: «Едет кто-то»,
А говорила: «Едет что-то».

В итоге Мадина вышла замуж за Манчу. Через два дня после свадьбы героя вызвал к себе владетельный князь и сообщил ему о нападении вражеских войск на Абхазию и поручил возглавить защитников родины. В бою героически погиб Манча, его заменила Мадина, одевшись в мужскую одежду; благодаря ей, абхазы победили в сражении.

Заметим, что в песне и садзы, и абхазы, и Садзен, и Абхазия представлены, как единое целое.

В другом (прозаическом) варианте сказания о Пшкиач-ипа Манче¹³ используется мотив предварительной недооценки, как один из художественных приемов; он встречается во многих фольклорных произведениях. Например, в архаических героических сказаниях о нартах, где нарты пренебрегают младшим братом Сасрыква, но в критической ситуации они обращаются к нему за помощью; нарты также недооценивали своего «бестолкового» брата Цвицва. Герой, как правило, изначально показан невзрачным человеком, его сторонятся даже близкие люди, не приглашают его в поход за славой и т. д.

Манче было тридцать лет, его соплеменники, ахчипсувцы, относились к нему пренебрежительно, считая никчемным человеком. Однажды один из его соотечественников посватался к красивой девушке из страны абазин. Сто джигитов отправились за невестой. На обратном пути кто-то напал на них и увел невесту. Опозоренные ахчипсувцы подняли шум, безуспешными оказались их старания по поиску невесты. Наконец, и Манча решил отправиться на поиски похищенной невесты.

¹³ **Абхазские народные историко-героические сказания**, с. 35–42.

Люди смеялись: «Куда тебе там, как будто что-то можешь сделать». У него не было ни ружья, ни пистолета, ни коня, ни еды. «Если мы снизошли до тебя, значит, наши дела действительно плохи», — сказали те отчаявшиеся ахчипсувцы, у которых увели невесту. И все-таки снарядили Манчу. На удивление сородичей ему удалось найти похитителя и невесту.

В этом же варианте сказания рассказывается о других героических деяниях Манчи: однажды он одержал победу над большой группой грабителей, которые напали на его село (этот мотив встречается в других героических сказаниях, например, о Инапхе Киагве).

В общем фонде абхазского фольклора немалое место занимают песни и сказания о других не менее известных садзских героях — Аджыр-ипа Данакае, Куджба Капыте, Баг(ба) Паре, Геч(ба) Решиде (Рашите) и др. Они были известны по всей исторической Абхазии (включая Садзен или Джигетию), хотя записи этих сказаний производились фольклористами в основном в Бзыбской Абхазии (в селах Бзыбь, Отхара, Лыхны, Эшера и др.). Это свидетельствовало об историческом, культурно-духовном и языковом единстве населения всей Абхазии (Большой и Малой) до массового выселения садзов в 1864 г. Садзы никогда не отделяли себя от остальных абхазов, хотя садзские общины часто вели вольный образ жизни, но при этом принимали активное участие в политической жизни Абхазского княжества. Кроме того, садзы, по сравнению с абхазами Большой Абхазии, из-за территориальной близости постоянно общались с убыхами и западноадыгскими субэтнотами и обществами. Это, естественно, не могло не отразиться на их языке и образе жизни. А убыхский язык, видимо, сформировался на базе садзского диалекта и под непосредственным влиянием адыгского (черкесского). Вполне вероятно, что по этим причинам иногда в литературе некоторых садзов представляют убыхами. Так произошло, например, с садзом Чу Якубом¹⁴ из Мацесты (часть территории Садзена) в записях Ж. Дюмезиля, который стал впоследствии главным героем повести Д. Зантариа «Судьба Чу Якуба», где Якуб представлен убыхом. Возникали вопросы к историко-философскому роману Б. Шинкуба «Последний из ушедших» по поводу этнонима(?) «аублаа», в переводах произведения — «убыхи». Но это художественные произведения (о них скажем ниже).

Первыми в абхазской литературе тема садзов появилась в начатом С. Чанба историческом романе «Дал». Это многообещающее произведение создавалось писателем на русском языке в соавторстве с историком А. Фадеевым (литературный

¹⁴ Кстати, **Ш. Д. Инал-ипа** в своей книге «Садзы» (с. 144) причисляет Чу к садзским фамилиям.

псевдоним — А. Тодуа) (1908–1965), который внес значительный вклад в исследование истории Абхазии, Кавказа, был одним из первых историков, написавшим работу об освободительной борьбе убыхов. Отрывки («Высадка в Гаграх» и «Надрез на колыбели») были опубликованы в газете «Советская Абхазия» 30 марта и 12 июня 1936 г. Если бы не смерть писателя, то, роман «Дал» был бы завершен и явился первым историческим романом в абхазской литературе, в котором сделана серьезная попытка художественными средствами раскрыть трагическую историю горцев в XIX в.. Как свидетельствуют отрывки, авторы романа предполагали создать большое художественное и докумен-тированное произведение с развернутыми комментариями, время действия в котором, очевидно, охватывало первую половину XIX в. или, возможно, доходило бы до 1877–1878 гг., т. е. до русско-турецкой войны и последнего массового выселения абхазов в Турцию.

В первом фрагменте описана высадка русских войск в Гаграх в июле 1830 г. Уже этот отрывок в той или иной мере отражает взгляды Чанба и Фадеева на исторические события первой половины XIX в. Опираясь на массу архивных материалов, писатели попытались воссоздать атмосферу эпохи, объективную реальность того времени, отношения различных слоев российского (солдат и офицеров) и абхазского обществ к войне. Нет предвзятого отношения к исторической действительности; намечается сложная многоплановая картина трагической судьбы абхазского народа (в том числе садзов) в XIX столетии.

«Высадка в Гаграх» начинается с рассказа о том, как 1 июля 1830 г. русский отряд, составлявший «Абхазскую экспедицию» под начальством генерала Гессе был направлен из Редут-Кале (близ Поти) в Сухум-Кале для взятия этого города. В контексте рассказа особый интерес представляет короткий эпизод, изложенный старым безымянным матросом о временах русско-кавказской и русско-турецкой войн. Речь рассказчиков позволяет судить об их чине, ранге, социальном положении и уровне развития. Одни хвалятся своей служебной биографией на Кавказе и участием в боевых действиях «за родину», не понимая сути войны; другие осознают, что они являются игрушкой в руках царского самодержавия, которое их руками совершало античеловеческие военные акции против горцев.

Рассказ от лица героя заменяется объективным повествованием о походе первого батальона 44-го егерского полка и взвода саперов на Гагру, на транспортных кораблях «Успех», «Редут-Кале» и «Буг», их сопровождали брига «Орфей», «Пегас», «Ганимед» и шлюпка «Диана». Отряд спокойно высадился на берег и расположился в руинах старой Гагринской крепости. Однако это не означало, что флотилия с десантом не была

замечена местным населением. Авторы показывают своеобразное отношение местного населения к этому событию, хотя Абхазия уже 20 лет находилась в составе Российской империи.

Не все население Абхазии с удовлетворением восприняло упрочение власти России в крае, скорее всего, оно предпочитало независимое существование. С. Чанба и А. Фадеев не обошли эти вопросы – в противном случае они дополнили бы ряды тех писателей и исследователей, которые предвзято описывали исторические процессы XIX в. В контексте 1830-х годов писатели рассматривают русские войска, как «вражеские, неприятельские» - так воспринимались они тогда населением Абхазии и соседних черкесских земель.

«Первыми заметили флотилию близ Гагр проживавшие неподалеку садзы общины Цан (в районе нынешнего Цандрипша. — В. Б.). Они прекрасно умели различать флаги турецких контрабандистов от... русских военных бригав и шлюпов.

Увидев, что флотилия повернула и скрылась за выступавшими в море острогами Гагринского хребта, жители селения Цандрипш послали гонцов к соседям — в общину Геч (в районе нынешнего Гечрипша — В. Б.). Оттуда поскакали вестники тревоги дальше до самой Мзымты, в устье которой жили садзы из общины Арета. (Турки называли их Артлар).

Там до заката солнца, все приморские общины садзов были оповещены о высадке русских войск в Гаграх. Вечером узнали об этом и на том берегу Мзымты, среди убыхов.

И пока эта страшная весть передавалась из уст в уста, пока во всех селениях, разбросанных по долинам Бгарыпсты, Псоу и Мзымты, старики держали совет, а женщины, причитая и шушукаясь возле очага, готовили мужьям, сыновьям и братьям копченое, вяленое мясо, сыр и вареные на меду колобки, пятеро молодых садзов отправились из Цандрипша к Гаграм на разведку.

Никто не знал, что будут делать неприятельские войска — останутся ли они в Гаграх или двинутся дальше, вглубь страны»¹⁵.

Отрывки романа показывают, какое важное значение придавали авторы этнографическим, лингвистическим (топонимическим, этнонимическим, гидронимическим) и другим данным. Речь идет не об их использовании для наполнения произведения национальным колоритом. Они были необходимы для углубления художественного мира романа, более убедительного отражения исторических процессов и личностей, а также раскрытия образов героев, представляющих ту или

¹⁵ Чанба С. Сочинения. Сухум, 1987, с.375.

иную общину или группу, наконец, - для этнопсихологического обоснования мотивов поведения героев в определенных ситуациях. Важно было воскресить и зафиксировать исторические названия местностей, неразрывно связанных с историей и культурой абхазов.

Крупным явлением в абхазской литературе стал историко-философский роман Б. В. Шинкуба «Последний из ушедших». Произведение подробно анализировано в моей книге «Абхазский исторический роман. История. Типология. Поэтика» (М., 2003), поэтому остановлюсь лишь на некоторых существенных его особенностях и вопросах, возникающих в связи с проблемой садзов. Но обойти этот роман в этой статье было бы неправильно, потому что трагическая судьба убыхов — это и судьба садзов, тем более, действия в произведении происходят, как на территории собственно Убыхии, так и в Садзене, отчасти в Большой Абхазии, встречаются, образы садзов и абхазов из Большой Абхазии (Шарах, Михаил / Хамутбей Чачба, в эпизодах — Гечба Рашид, Маан Кац и др.). Да и сам главный герой Зауркан Золак наполовину абхаз (его мать была абхазкой из цебельдинского рода Шат-ипа), подолгу в детстве и юности жил в Цебельде у своих родственников, прекрасно знал абхазский язык и фольклор.

Впервые роман был опубликован в 1974 г. в журнале «Алашара» (№№ 1–8), отдельной книгой вышел в конце того же года. Не успев выйти, произведение сразу же попало в поле зрения критики. Одним из первых, кто отметил художественную и историческую ценность романа, был литературовед и поэт В. Цвинариа: в газете «Апсны капшь» («Красная Абхазия», 1975 г., 29 июля) он напечатал весьма эмоциональную содержательную, местами небесспорную статью «Реквием кровавому пути (трагедии)» («Ареквием ашьамюазы»). В ней, в частности, ученый писал: «Роман Б. Шинкуба «Последний из ушедших» не похож на привычное для нас произведение. В нем читатель не увидит четкого деления белого и черного, страдания и радости... Во всем романе господствует темная ночь, никакого проблеска света... «Последний из ушедших» — это многоплановое историческое произведение, ...это история... целого народа... До сих пор у нас не было подобного произведения, которое так возвышало бы наше историческое мышление, национальное самосознание, заставляло бы думать о прошлом, настоящем и будущем... Таким образом, «Последний из ушедших» является первым абхазским историческим романом. Именно те произведения, которые ставят большие проблемы, рождают глубокие мысли, создают большую литературу...»¹⁶.

¹⁶ Цвинариа В. Л. Время и творчество. Литературно-критические статьи. На абх.яз., Сухум, 1989, с. 205–206, 229.

Один из ключей к тайнам романа связан с повествовательной структурой творения. Перед Б. Шинкуба стояла сложная задача; материал, от которого веяло величайшей трагедией, диктовал «свои условия». Изначально писатель стремился к масштабному, полифоническому, внутренне напряженному историческому роману. Писатель понимал, что обычное объективное эпическое повествование от третьего лица, широко распространенное в литературе, не подходит для передачи труднейшего и тяжелого сюжета. Он выбрал сложную многоступенчатую структуру повествования. Три повествователя (автор - Шарах Квадзба - Зауркан Золак) соединяют разные времена, протягивая между ними связующую духовную нить. Важно, что каждый из них – очевидец событий своего времени. И это усиливает художественную значимость романа.

Писатель поставил перед своим героем, Заурканом, труднейшую задачу: он должен рассказать о трагедии малочисленного, вольнолюбивого и воинственного народа. Поэтому его речь особенная, в ней ощущается синтез различных типов ораторской речи: политической, философской, поминальной, выступления на народном суде и т. д. Проявляется артистизм, «актерские способности» самого героя. Вместе с тем, повествователь следует и традиции сказительского искусства, активно использует фольклорный материал: сказки, пословицы и поговорки, которые усиливают художественно-эстетическую значимость и философскую глубину размышлений героя.

Повествование Зауркана Золака состоит из двух частей. В первой части герой рассказывает о событиях и людях до выселения убыхов и во времена махаджирства. Он начинает с импровизированной сцены приема почетного гостя в лице Шараха Квадзба (первая часть романа «Трапеза с мертвыми»), которая говорит о том, что речь пойдет о величайшей трагедии убыхов, о философии и истории исчезнувшего народа, примеров коего много в истории человеческой цивилизации. Эта история – урок и предупреждение. Сцена, естественно, предопределяет характер и структуру самой речи горевестника. Зауркан с помощью слова воскрешает прошлое, давно умерших братьев и сестер, родственников, обычаи и традиции (в частности, этику приема гостя).

Вторая часть повествования Зауркана Золака связана с жизнью убыхов в Турции; в условиях чужбины народ переносит невероятные испытания. Основной удар пришелся на национальную культуру, родной язык, этику, обычаи и традиции. Кроме того, убыхи в Турции оказались на разломе истории: Османская империя разваливалась. Горцы с Кавказа использовались в качестве пушечного мяса в войне с врагами империи, а в 20-х годах XX в. они вновь оказались между двумя огнями, т. е. противоборствующими силами за власть в Турции, между сторонниками Мустафы Кемаля (Ататюрка) и

султанской власти. И те, и другие искали поддержку среди многочисленной и воинственной горской диаспоры. В итоге представители убыхов, абхазов, адыгов (черкесов) и других оказались на противоположных берегах. После победы кемалистской революции части горцев пришлось покинуть Турцию. Процесс выселения продолжился.

Ценность образа Зауркана Золака заключается не только в том, что он понял ошибки и открыто рассказывает об историческом пути убыхов, но и в том, что в ходе повествования мы видим раскаивающегося за всех и за себя человека, хотя уже ничего не вернешь. В итоге он становится мудрее; личность, которая рассуждает о философии истории убыхов, но герой остался один - без рода, без племени, без народа.

Есть и другая сторона повествования, она имеет огромное значение для самого Зауркана. Появление абхаза Шараха Квадзба (сородича по материнской линии) было величайшим событием для столетнего старика, ибо, несмотря на затворническую жизнь, Зауркан жаждал встречи именно с таким почетным гостем, тем более из Абхазии. Он внутри себя носил тяжелую ношу — воспоминания о прошлом, которые необходимо было рассказать близкому по крови человеку, именно по крови; только он мог сохранить и передать будущим поколениям память о былом величии и трагедии народа. Более того, у последнего из убыхов появилась возможность погрузиться в историю, в свое прошлое; воскрешая пройденное мастерским словом, герой возрождает себя; ему важно войти в мир прошлого, этому способствует сам процесс повествования, который иногда доводит его до экстаза. Мысль героя сосредоточена на прошлом, а будущее бесперспективно, ибо там нет продолжения рода, национальных традиций, обычаев, языка... В повествовании ощущаются черты мифологического мышления.

Зауркан Золак постепенно рассказывает, как убыхи шли к своему концу. Он участник и свидетель событий, объективно повествующий об истории народа. Он предстает перед Шарахом Квадзба, как горевестник, потому его речь насыщена соответствующей лексикой, рассказами о жизни убыхов, от которых веет могильным холодом и печалью смерти. Жизнь убыхов как бы заключена в черную рамку, которая, благодаря речи повествователя, превращается в экран, и читатель видит кадры из жизни народа с участием самого Зауркана Золака. С другой стороны, за кадром слышен рассудительный, критический голос последнего из убыхов: он оценивает события, персонажей, он ничего не идеализирует, говорит об исторических явлениях и процессах, о людях, учитывая их внутреннюю противоречивость и сложность. В его речи заложены национальная самокритика, обобщающие философские начала,

которые наталкивают читателя на глубокие размышления, связанные с общечеловеческими проблемами. Антиномичность — важнейшая черта характера самого Зауркана Золака и многих персонажей, о которых он говорит.

Рассказ Зауркана убеждает, что национальная культура, которая включает в себя язык, обычаи, традиции, фольклор, этику отношения человека к природе, литературу (если она есть), может сохраниться и развиваться в лоне родной природы, на базе собственной историко-духовной почвы, родины; выбив у нее почву, обрекаешь ее на медленную смерть, хотя эта культура может исчезнуть и на родине, если создать искусственную среду для ее растворения, ассимиляции. Невольно вспоминается стихотворение поэта Ю. Лакербая «Исповедь убыха». Читая эти строки, естественно, представляешь образ Зауркана Золака, и кажется, что это его исповедь:

Забывают мои одежды,
И оружие мое, и речь.
Только имя осталось прежним.
Для чего мне имя беречь?
Узнаю я гнездо орлицы.
Понимаю шелест змеи.
А вокруг все чужие лица —
Ни очага, ни семьи!
Кто — от яда,
Кто — предан, продан,
Кто под гребнем крутой волны...
Переврали дела и годы
Летописцы со стороны.
Перевалы — в алмазном сверке,
Но бесстрастны они, глухи.
И, названья их исковеркав,
Сочиняют теперь стихи.
Снег весной, как вино, забродит.
Оглушителен крик реки:
- Посмотри!
Земляки уходят.
Туго стянуты башлыки.
И бредут они тихо-тихо,

И вода пожирает след...
Ни нашествия и ни ига.
Есть земля.
А народа нет!¹⁷

Особый интерес представляют оппозиции, представленные в «Последнем из ушедших»: Хаджи Берзек Керантух и царский генерал; Хаджи Берзек Керантух и Хамутбей Чачба; Дзапш Ахмет, сын Баракая и Керантух; Дзапш Ахмет и его брат Ноурыз и др. Через эти оппозиции выявляются три подхода, три непримиримые позиции, мировосприятия, три возможных решения проблемы войны и мира, судьбы горцев Западного Кавказа. И каждая точка зрения имеет под собой почву, это — историческая реальность. Эти позиции четко были выражены участниками встречи у берегов реки Мзымта (на земле садзов). Генерал, с присущей военному прямоотой, обвинил Керантуха в измене, и в его словах есть доля правды: «Ты, Хаджи Керантух, принадлежишь к знаменитому роду Берзек... и тебе не подобает сегодня делать одно, а завтра — другое... Когда началась война, ты отказался от пожалованного тебе императором чина и звания. Вместо того, чтобы соблюдать верность России, ты сблизился с турками... С тех пор нарушаешь заключенные с нами условия, постоянно держишь под ружьем все мужское население, нападаешь на наши укрепления... Я не хочу тебя оскорблять, но не нахожу для твоих поступков другого слова, как измена»¹⁸. На это последовал такой же прямой, резкий, но во многом справедливый ответ Хаджи Берзека: «Господин генерал, тебе следует поосторожнее выразиться... Я стою на своей земле, и не в кандалах, а с оружием... Да, правда, я совершил бы измену, если бы, как некоторые другие владетельные князья на Кавказе, ради ваших чинов и ваших серебряных рублей предал бы свой народ. Но, ...как видите, меня ничто не соблазнило. Но, господин генерал, как назвать того человека, который пришел сюда с бесчисленным войском, чтобы выгнать убыхов с их земли?.. Да, ты сказал мне правду: мы когда-то приняли ваше подданство, надеясь, что нам в этом подданстве будет хорошо жить. Но наши надежды были обмануты... Когда вы во время войны не можете защищать от турок это побережье, вы уходите, оставляя его и нас на произвол судьбы! А когда возвращаетесь — начинаете бранить нас изменниками! Какой же, я спрашиваю, мир может быть заключен между нами?»¹⁹

¹⁷ Лакербай Ю. Избранное. Стихи. М., 2000, с. 38.

¹⁸ Шинкуба Б. Последний из ушедших. Роман и повести. Нальчик, 1994, с. 40–41.

¹⁹ Шинкуба Б. Собр. соч., т. 3., на абх. яз., Сухум, 1979, с. 49–50,

В разговор вступает Хамутбей Чачба, воспитанник убыхов. Он пытается убедить Керантуха согласиться с предложениями царского генерала, не делать опрометчивого шага, от которого зависит судьба народа. Хамутбей говорит на абхазском языке предводителю убыхов: «Если через горный перевал ведет только одна дорога и другой нет, то приходится идти по этой дороге... Не обижайся на мои слова, но у вас, убыхов, уже нет времени на колебания и нет двух дорог через перевал»²⁰. Однако Керантуху было, что сказать абхазскому князю (речь Керантуха неоправданно сильно сокращена в переводе К. Симонова и Я. Козловского); он напомнил Хамутбею, что тот вместе с царскими генералами в прошлом неоднократно участвовал в усмирении убыхов, да и некоторых абхазских вольных обществ Дала и Цабала (Цебельды). При этом Хаджи Керантух одним штрихом, но метко характеризует предшественников Хамутбея Чачба на посту владетельного князя — Келешбея и Сефербея Чачба: «Если сегодня твой дед Келешбей, Царствие ему Небесное, когда-то объединивший всех нас, был бы жив, ни вы, абхазы, ни мы, убыхи, не оказались бы на краю пропасти. Нам так сейчас не хватает его ума, мудрости, смелости и энергии... С его гибелью исчезло многое. У него не осталось никого, кто мог бы продолжить его дело. Твой отец, Сафарбей (или Сефербей/Георгий — В. Б.), ради чина и власти, не спросив свой народ, без выстрела уступил русскому царю всю Абхазию. А теперь, ты хочешь накинуть аркан и на нашу шею»²¹.

В итоге, Хаджи Керантух, обращаясь и к Хамутбею Чачба, и к безымянному царскому генералу, говорит: «Никто не дарил нам эту землю. И никто не отнимет ее у нас, пока мы живы!.. Если между нами будет мир — хорошо, если нет — то мы будем воевать!»²²

В романе вырисовываются и другие оппозиции: Хаджи Керантух и Дзапш Ахмет, сын Баракая; Дзапш Ахмет и Дзапш Ноурыз (брат Ахмета) и др. Особый интерес представляет трагический образ Ахмета, который, с моей точки зрения, имеет своего прототипа в лице достаточно известной политической фигуры 50-х–начала 60-х годов XIX столетия Исмаила Дзиаш (Дзейш), сына Баракая (Баракай-ипа) — представителя одной из знатных убыхских фамилий²³. Исмаил, как и герой романа «Последний из

²⁰ Шинкуба Б. Последний из ушедших, 1994, с. 43;

²¹ Шинкуба Б. Собр. соч., т. 3., 1979, с. 53;

²² Там же, с. 54.

²³ См.: Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум, 1975. с. 87; По мнению Д. К. Чачхалиа, Дзейш — абхазский аристократический род. «Фамилия Дзейш встречается в среде зарубежных абхазов, в частности, в Турции. ...встречается также среди турецких эмигрантов убыхского происхождения». (Чачхалиа Д. К. Историческая топонимика Большого Сочи середины XIX-го века (фамильно-родовая номенклатура)// Мартель Эдвард. Кавказская Ривьера. Путешествие по югу России и по Абхазии. М., 2004. с. 168–169);

ушедших» Ахмет, был прекрасным дипломатом. В начале 60-х гг. (видимо, в 1861 г.), на очередном меджлисе («Великое свободное собрание»), созданном в 1861 г. горцами Западного Кавказа, «было принято решение отправить специальное посольство в Константинополь, Париж и Лондон с просьбой о «заступничестве»... Посольство возглавлял Измаил Дзиаш»²⁴. Он удачно справился с дипломатической миссией. Он также развернул активную деятельность по доставке современного оружия на Кавказ. Герой романа «Последний из ушедших» Дзапш Ахмет пошел против течения, он открыто выступил против неверных решений и переселения в Турцию. Ахмет был мудрым, дальновидным и гибким политиком; был предан народу и искренне переживал за его судьбу. Во время тех тяжелых переговоров между царским генералом, Хамутбеем Чачба и Керантухом генерал, считавший Ахмета не менее достойным представителем убыхов, попросил его высказать свое мнение о создавшейся ситуации. Ахмет фактически занял разумную позицию, которая вызвала раздражение как у Хаджи Берзека, так и у генерала. Ахмет сказал: «Вы не понимаете нас, господин генерал, а мы не понимаем вас». Разозленный Керантух подумал: «Причем мы, если они нас не понимают». Но Ахмет, сын Баракая смотрел дальше, он предвидел, чем могла обернуться для убыхов война с огромной империей. На последнем меджлисе разгорелся новый конфликт между Ахметом и Керантухом, а также между Ахметом и его старшим братом Ноурызом. Даже братья оказались по разные стороны баррикад. Ноурыз, призывавший воевать до последнего убыха, был готов убить Ахмета, но его удержали. Ахмет, в прошлом упорно ведший борьбу против России, осмелился сказать то, о чем никто не решился бы говорить. Завершая свою речь, Ахмет сказал: «Я вижу только два выхода для нашего народа: или погибнуть до последнего человека в битвах, или понять, что враг победил нас и — пусть теперь поступает с нами как хочет, как велит его совесть. Я больше верю тем, кто шел против нас с обнаженной шашкой, чем тем, кто тайно продавал нам свое оружие, но никогда не хотел проливать за нас свою кровь. Я много раз бывал в Турции и знаю, что нас, мужчин, не ждет там ничего хорошего... Покинувший свою землю будет страдать до конца! Я знаю одно: если мы, убыхи, покинем ее — нас не будет. А теперь делайте со мной что хотите: изгоняйте или убивайте»²⁵.

А вот позиция Ноурыза: «Это не собрание мужчин, это сборище старух и гадалок!.. Если мы будем и дальше гадать, вместо того чтоб сражаться, давайте хотя бы снимем с себя мужскую одежду, не будем ее позорить... Наш дом здесь, а не в Турции и не на

²⁴ Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. с. 168.

²⁵ Шинкуба Б. Последний из ушедших, 1994, с. 73–74;

Кубани. Пусть трусы уходят куда хотят, а храбрые останутся сражаться, пока жив хоть один убых!»²⁶. Ахмету же пригрозил: «...Клянусь покойным отцом, если ты повторишь еще раз, что хочешь примирения с гяурами, я зарублю тебя. Не доводи меня до братоубийства...»²⁷.

В конце концов, совет меджлиса принял пагубное решение о переселении в Турцию.

Анализ исторических фактов, исторических образов в романе «Последний из ушедших» показывает, что Б. Шинкуба придерживался определенной философии личности и истории. Личность может сыграть положительную или отрицательную роль в истории народа, целого региона и т. д. При этом поведение ее зависит от многих факторов, в том числе от социального, экономического и культурного развития народа, внешних воздействий, физических и психологических данных, этического воспитания и духовного уровня, ораторских способностей и т. д. Несовершенство хотя бы нескольких факторов обычно приводит к трагическим последствиям.

Обобщая результаты анализа произведения Б. Шинкуба, следует сказать следующее: в романе впервые открыто и масштабно поставлены важнейшие проблемы истории Кавказской войны XIX столетия. Творение свидетельствует о том, что художественная литература иногда может опережать историографию.

Неслучайно роман «Последний из ушедших» завоевал сердца миллионов читателей, особенно он стал родным на Северном Кавказе, народы которого пережили в XIX в. трагедию войны и махаджирства, ибо автор отразил не только судьбу исчезнувшего конкретного этноса, но и выразил общую боль многих народов, больших и малых. Смерть этноса писатель рассматривает как философскую (историософскую), общечеловеческую проблему, как урок, величайшую утрату для мировой цивилизации.

Роман утверждает: осмысление прошлого помогает лучше понять настоящее и заглянуть в будущее; также автор предупреждает: то, что случилось с убыхами, может произойти с каждым народом, и даже с цивилизацией; тому немало примеров в мировой истории.

Сквозь образную систему романа проходит и другая мысль: все войны, беды и трагедии в мире, уносящие миллионы человеческих жизней, уничтожающие целые народы, совершаются из-за глупости, алчности, невежества и несовершенства человека, от недостатка духовности и культуры. Б. Шинкуба с сожалением

²⁶ Там же, с. 69.

²⁷ Там же, с. 72.

подтверждает известную истину, выраженную И. Крыловым: «У сильного всегда бессильный виноват...»; и другое: миром правила и правит грубая сила.

Вместе с тем, роман ставит массу других вопросов философского, историософского и этнософского характера. Среди них такие проблемы: война и человек, судьба этноса в контексте мирового исторического процесса, личность и народ, роль личности в истории народа, личность и свобода с точки зрения индивидуализма и коллективизма, личность и национальная этика, этническое и национальное сознание, язык и культура в условиях чужбины и т. д.

Роман также полемизирует с самой трагической реальностью, которую он проклинаяет, отвергает, хотя и отражает ее. И в этом проявляется конфликт между художественной правдой и исторической правдой. Произведение дискутирует и с историческими личностями, которые могли не допустить трагедии, направить народ по спасительному пути. Хотя автор прекрасно понимал, что в той ситуации это было трудно сделать, ибо, по словам Л. Арутюнова, было очевидно, что «суть трагической ситуации — в роковой невозможности правильного, разумного решения...»²⁸.

Духовная сила романа «Последний из ушедших» заключается и в том, что та полемика, предложенная им, продолжается и сегодня, и, видимо, продолжится и в будущем. Говорят, что история рассудит правых и неправых, но сама история связана с человеком, она не может быть без него. Поэтому проблема заключается в самом человеке, обществе...

Вместе с тем хотелось бы кратко остановиться на некоторых вопросах, возникавших после выхода романа «Последний из ушедших»; они связаны с наименованиями «Бытха» и «аублаа». В произведении писатель называет Бытху аныхой. Возможно, что в народе (во всяком случае, среди абхазов) святилище называли Быт-ныха, сокращенный вариант от Бытха-ныха. В разных источниках Бытха топонимическое название. Например, в «Лоции Черного моря» (1851) отмечалось, что Бытх — горка, «от которой выдается мыс Соча-Бытх»²⁹

Г. Шакирбай, по данным архивных материалов и картам XIX — нач. XX в., составил таблицу топонимов от реки Ингур до Новороссийска. Среди этих топонимов встречаются: гора Аублаарных (дословно: гора-святилище Аубла. — В. Б.), горная река Битха или Бытха³⁰. В работах Л. Люлье приводится и гидроним Батхь — название

²⁸ Арутюнов Л. Н. Развитие эпических традиций в современной советской литературе. Взаимодействие литератур и художественная культура развитого социализма. М., 1981, с. 229.

²⁹ Лоция Черного моря; Шакирбай Г. З. Абхазские топонимы Большого Сочи. Сухум, 1978, с. 38.

³⁰ Шакирбай, с. 43–44.

речки³¹. Шакирбай, отмечая, что убыхи этнически и лингвистически занимали промежуточное звено между абхазами и адыгами и говорили, как на родном, так и на абхазском и черкесском языках, название Бытха относил к абхазским топонимам. По его мнению, одно из названий местностей в Сочинском районе «Бытха, по-абхазски Бытвхуа, можно этимологизировать, как Бытв — родовая абхазская фамилия Бытвба и хуа — «холм», «гора», т. е. — холм Бытвбовых»³². Ш. Д. Инал-ипа среди садзских святилищ перечисляет и Аублаа-рныха (святилище рода Аублаа) на территории г. Сочи (гора Батарейка). Кроме того, ученый считал, что Аублаа — это абхазская, в частности, садзская фамилия. Он также говорил о новоафонском старожиле У. С. Куруа, знавшем «предание, согласно которому абхазы произошли от представительницы рода Аублаа (Апсуаа зхылцыз Аублаа ипха лоуп)»³³.

Несколько противоречивы сообщения А. Рукевича: «В этом ауле (на реке Сочипста) жил убыхский князь Аубла Ахмат, слывший по всему побережью, как отчаяннейший пират, грабивший... крымские и анатолийские берега... Горцы, населяющие эту часть побережья, принадлежали к племени убыхов, находившегося под властью князя Берзекова...»³⁴. Но здесь подчеркивается родовая принадлежность Ахмата.

А по Д. Чачхалиа, Аубла — это титул, который присваивался выбранным правителям Соча (Сача; абх.: Швашаа, Швачаа). Если это так, то это уникальное явление, которое нигде больше не встречается. Соча — в прошлом абхазская «община» в центре современного г. Сочи. Память о Сочи сохраняется по сей день. В стихотворении К. Чачхалиа «Радостно иду я...»³⁵ лирический герой, прогуливаясь вдоль берега р. Сочи, чувствует прилив сил, его охватывает ностальгическая любовь к этой земле предков. Здесь все родное: и море, и деревья; они тоже чувствуют в нем родного человека, а сосны:

Встретили с большими почестями,
Словно выстроившись в почетный караул.

Далее поэт пишет:

³¹ Люлье Л. Я. Черкессия. Историко-этнографические статьи. Черкесы (Адыге). Материалы для истории черкесского народа, вып. 1, Нальчик, 1991, с. 307.

³² Шакирбай, Указ. соч. с. 16.

³³ Инал-ипа, Садзы... с. 152.

³⁴ Рукевич А. Ф. «Из воспоминаний старого эриванца» (1832–1839 гг.)// Исторический вестник, 1914, с. 771; Рукевич А. «Из воспоминаний старого эриванца» (1832–1839 гг.) [Отрывки]; Литературная Абхазия. 1991, № 2. с. 159.

³⁵ Чачхалиа К. Ш. Лирика. Сатира. На абх.яз., Сухум, 1980, с. 80–81.

Здесь многие названия звучат
На языке моих предков;

Здесь не чужие мы,
Кровь дает о себе знать, говорят.
Мы богаты историей,
Везде одни памятники, черепа.

В романе Б. Шинкуба (в абхазском оригинале) Аублаа — этноним, он используется в качестве названия всего народа. Но, исходя из вышесказанного, можно утверждать, что «Аублаа» и «Убых» имеют разные значения: первое — это фамилия или титул, второе — название народа. Важно, что в русском и других переводах романа используется только название «убыхи». Этноним «убыхи», как обозначение конкретного этноса, широко распространен в русской и зарубежной научной литературе и исторической публицистике (в формах: англ. Ubykh, фр. Oubykh, нем. Ubych, тур. Wubih и т. д.; изредка — Păkh).

В XVII в., а точнее — в 1666 г. на Кавказе побывал турецкий путешественник и ученый Евлия Челеби. Результатом этой поездки стала «Книга путешествий», в которой описано более двадцати народов и этнических групп, живших от границ Абхазии с Грузией по р. Ингур до Анапы. По мнению Евлия Челеби, двадцать из описанных племен, в том числе и племя «соча» — это племена народа абазы³⁶. Причем многие из них говорят как на черкесском, так и на абхазском языке. Вероятно, что племя (вернее, община или общество) соча относится к абхамам и близка убыхам. Так или иначе, нет сомнения в исторической, этнической, языковой близости абхазов и убыхов. Поэтому необходимо рассматривать образ святилища Бытхи и этимологию понятия «Бытха» с точки зрения абхазской религиозной традиции и языка. В абхазском и абазинском языках встречаются ахы/хы (голова, глава), ах/ха (владелец, царь, правитель), ахада (главный), выражение «Хыхь икоу» (в смысле «находящееся наверху, на небе», Бог); «хыхь» — всегда означает верхний.

Несмотря на вышесказанное, нельзя забывать, что «Последний из ушедших» художественное произведение. В нем, например, символический образ святилища Бытхи многофункционален; через него писатель усиливает мотив трагизма в поэтической структуре романа; кроме того, раскрывает особенности менталитета, быта

³⁶ Челеби Евлия. Книга путешествий, ч. 2., М, 1972, с. 50–51.

и верований убухов, говорит об ошибочности мнения многих историков, которые считали, что одной из главных причин борьбы горцев против Российской империи (особенно на Северо-Западном Кавказе и Абхазии), а также их выселения или переселения является ислам. Словом, судьба святилища — это судьба самого народа.

Многие из проблем, затронутых Б. Шинкуба, впоследствии нашли отражение в историко-философских повестях Д. Зантариа «Судьба Чу Якуба» и «Князь хылцисов», которые стали заметным явлением в литературной жизни Абхазии 1980-х гг. Они впервые были опубликованы в журнале «Алашара» (1981, № 1; 1982, № 1), а впоследствии вошли в книгу прозы писателя «Нар улбааит» (1984).

Исторические повести Д. Зантариа — значительный вклад в развитии жанра повести в национальной литературе. В этих произведениях, написанных великолепным языком, писатель творчески использовал эпические повествовательные традиции абхазского фольклора в сочетании с традициями абхазской и мировой психологической прозы. В повестях отражены особенности эпохи Кавказской войны, этнопсихология людей, традиционная культура, истоки и причины трагедии горцев (садзов-абхазов, убухов и др.) — выселения в Турцию. Все основные персонажи (Чу Якуб, Гечба Решид /Рашит) — исторические, они новые в абхазской литературе. Трагедия героев — эта трагедия самого народа, который оказался между двумя империями — Российской и Османской, ведшими непримиримую борьбу за обладание стратегически важным для них кавказским регионом. Обостренное чувство свободы не позволяло горцам сложить оружие. Вместе с тем, отсутствие единства как внутри этносов и субэтносов, так и между родственными народами и обществами, внутренние конфликты, месть, предательство, торговля людьми и т. д. тоже играли негативную роль, уничтожали народ. Эти проблемы не обошел автор.

В основе повести «Судьба Чу Якуба» — материалы Ж. Дюмезиля об убухах и абхазах, в которых описана трагическая судьба Чу Якуба. Материал был предоставлен писателю Русланом Гожба, который вспоминал: «Он задумал повесть «Судьба Чу Якуба». Мы достали записи Дюмезиля, в которых была описана драматическая история, пережитая убухом Чу Якубом. Даур был буквально заинтригован этими сюжетами»³⁷. Дюмезиль в течение многих лет занимался изучением языка, истории и культуры убухов; нет ничего удивительного, если в его материалах Чу Якуб представлен убухом. Но по другим источникам Чу — садзский род, проживавший в нижнем течении р.

³⁷ См.: Зантариа Д. Б. Мир за игольным ушком. Поэзия. Проза. Публицистика. Дневники. (Сост. В. Зантариа, С. Арутюнов), Сухум, 2007, с. 261.

Мацеста, на части территории Джигетии. В самом начале повести «Судьба Чу Якуба» читаем: «Суапсеи Хуастеи рыюдзыбжьара зджынджыз агуахууаа па дызмамыз арра дыргадзомызт. Зны, шыкусык, ртшеизыргон дара, хылцысаа рганахь еибашьра ицаразы. Швачапста еизартаны ирылахван ажвлар абри-абри атшны...»³⁸. Под текстом автор дает пояснения: «агуахууаа... аублаа роуп» (т. е. убыхи), хылцысаа «асадзкуа» роуп. Во всем тексте писатель использует два термина — «агуахууаа» (т. е. аублаа) и «хылцысаа» (т. е. садзы); он их не смешивает. Главный герой произведения Чу Якуб — убых из Мацесты. Выше уже отмечалось, что «аублаа» и «убыхи» не одно и то же. Но, повторяюсь, речь здесь идет о художественном произведении. По большому счету, писатель воссоздает картину жизни убыхов и садзов в 20-х — 60-х гг. XIX в. Именно это временное пространство охватывает повесть, ибо в начале произведения Чу Якубу было чуть более 22 лет; через несколько страниц упоминается Адрианопольский договор между Россией и Турцией, заключенный 2 сентября 1829 г., а в конце повести рассказывается о массовом выселении убыхов в 1864 г.

Действие в повести происходит на Кавказе (главным образом в Джигетии и Убыхии), Ближнем Востоке (Египте) и Турции. Писатель создает великолепный образ главного героя. На родине крестьянин Якуб показал себя бесстрашным воином, думающим об интересах народа; он стал авторитетным человеком. Однако, оказавшись «чужим среди своих», он тайно покинул Убыхию. В Египте Якуб превратился в мамлюкского эмира Хаджи (Якуб-бея), полководца, армия которого постоянно сопровождала огромную массу паломников-мусульман в святые места. Именно за рубежом Чу Якуб смог реализовать свои выдающийся качества лидера, государственного деятеля, политика и полководца, недооцененные на родине. Вскоре в Египет он перевез и семью. Но жизнь на чужбине оказалась несладкой; тоска по родине мучила его. За героем неотступно следует его Судьба (тень), предостерегая его от опасностей. Однажды она явилась ему и призвала вернуться на родину, где народ оказался в трагической ситуации. Якуб возвратился на Кавказ с огромным богатством, которое было роздано соплеменникам. Ему предложили дворянский титул, но он отказался, и все же он был повышен в своих правах — мог участвовать в совещаниях высшего сословия. Старший сын Якуба женился на девушке из известного рода Берзеков. Вместе с тем, от всего этого жизнь спокойней не стала для него — человека, как пишет автор, «государственного масштаба». Якуб понимал, что необходимо, пока не поздно, договариваться с Россией, а не идти на поводу у англичан, которые, преследуя свои цели, призывали горцев продолжать войну против русских. Он пытался спасти

³⁸ Зантариа Д. Нар улбааит. На абх.яз., Сухум, 1984, с. 3.

народ от катастрофы; искал сторонников среди соплеменников. Герой выступал против работорговли (эпизод посещения поместья Аубла Ахмата), мести (когда берзековцы убили его старшего сына, он не стал мстить, понимая всю опасность этого явления для малочисленного народа). Главными его противниками оказались представители рода Берзеков. После гибели сына Якуб с семьей переселился в Турцию. Семья устроилась неплохо, благодаря чиновнику-армянину, которого Якуб когда-то в Египте спас от смерти. Но вновь, как это было в Египте, мысли о родине начали беспокоить его; они усилились, когда поток беженцев с Кавказа начал увеличиваться. Якуб нанял корабль и отправился к родным берегам, надеясь помочь гибнущему народу. Но было уже поздно. Впоследствии опустевшие земли, прилегавшие к селению, где раньше жил Чу Якуб, купил какой-то граф немецкого происхождения.

Повесть ставит важный вопрос: почему такой человек, Чу Якуб, стал «лишним» на родине, смог проявить свой потенциал государственного деятеля не в Убыхии, а в чужой стране — в Египте? Кроме того, произведение констатирует: не только внешние факторы, но и внутренние раздоры, высокомерие некоторых представителей высшего сословия общества (образы Берзека Махматуко, Састынгаза Ачба и его сестры, Аубла Ахмата и др.), губительные пороки (как кровная месть, работорговля, зависть), отсутствие единства привели народ к катастрофе.

В повести «Князь хылцысов» Д. Зантариа впервые в абхазской литературе создал художественный образ известного в XIX в. садзского князя Гечба Решида (Рашита). С этим героем, можно сказать, писателю повезло, ибо о нем, да и о роде Гечба, немало сведений встречается в разных источниках и исследованиях: С. Духовский «Даховский отряд в 1964 году» (СПб., 1864), К. Д. Мачавариани «Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу с историко-этнографическим очерком Абхазии» (Сухум, 1913), М. Владыкин «Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу» (М., 1874), А. Н. Дьячков-Тарасов «Гагры и их окрестности (в историко-географическом отношении)», «Записки Кавказского отдела Русского географического общества» (кн. XXIV, вып. 1, Тифлис, 1903), Г. А. Дзидзариа «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» (Сухум, 1975; 2-е издание — Сухум, 1982) и др. В этих изданиях Гечба Решид представлен, как влиятельная историческая личность, игравшая заметную роль в политической жизни Абхазии, (включая Джигетию и Убыхию). «Как многие прибрежные владетели, чьи поместья были доступны с моря русским кораблям, он придерживался умеренной русской ориентации, что совпадало с официальным курсом

владельца Абхазии»³⁹. Он, как и литературный герой Чу Якуб, трезво оценивал сложившуюся историческую реальность, и в глубине души понимал, что губительно для народа продолжение войны с Российской империей. Многие сегодня ссылаются на слова Гечба Решида, которые были высказаны генералу Гейману 26 марта 1864 г. во время встречи группы представителей садзов-джигетов с генералом: «Мы — джигеты; мы народ вольный, никогда ни с кем открыто не воевали и никогда никому не подчинялись. Теперь мы видим, что все кругом нас покоряется русским, и мы уже считаем землю нашу собственностью российского императора»⁴⁰. (Эти слова приводятся и в повести Д. Зантариа). Вместе с тем, Решид Гечба не был в восторге от энергичных действий Михаила (Хамутбея) Чачба (Шервашидзе), направленных на утверждение позиций царизма в Абхазии. Это, кстати, одним штрихом, но метко отражено в романе «Последний из ушедших». Владелец Абхазии Хамутбей Чачба, отправляясь на переговоры к убыхам, «хотел взять с собой еще двух спутников, захватив их по дороге, но это ему не удалось. Маршан Алмахсит из Цебельды предусмотрительно отправился на охоту, а князь Гечба Рашид из страны садзов, когда владетельный князь, проезжая мимо, послал за ним, сказался больным. О причине болезни догадаться было нетрудно: при мирном исходе дела Гечба не хотел в него вмешиваться, а при кровавом исходе, очевидно, стал бы на сторону Хаджи Керантуха»⁴¹. Массовая депортация горцев в 1864 г. опустошила и Гечрипш. Его владетель Решид тоже вынужден был выселиться в Турцию вместе с 400 подвластными ему людьми. В 1873 г. Решиду было разрешено вернуться на родину. В Гечрипше, что уже был занят колонистами из России, поселиться он не мог и временно обосновался в районе Гагр. Во время русско-турецкой войны (в августе 1877 г.) Решид Гечба насильно был доставлен к командующему турецких войск Шевкету-паше. В итоге Решид в ранге паши высадился в Гудауте с несколькими сотнями турецких солдат. Впоследствии он был вынужден уехать в Турцию, где жил в вилайете Измит в селе Кузулук. Но ему удавалось появляться в Абхазии.

Образ Решида, хотя редко, но встречается в абхазском фольклоре. В одной исторической песне говорится:

В первом походе
добывший шелковое знамя,

³⁹ Чачхалиа Д. К. Хроника абхазских царей. Статьи. Заметки. Дополнение. М., 1999, с. 73.

⁴⁰ Духовский С. Даховский отряд в 1964 году. СПб, 1864, с. 94.; Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум, 1975, с. 189.

⁴¹ Шинкуба Б. Проза. Романы, повесть. М, 1988, с. 40.

а во втором сражении
принесший бархатное знамя
Гечба Решид!⁴²
(перевод Д. Чачхалиа)

Повесть «Князь хылцысов» раскрывает одну страницу из жизни Гечба Решида, связанная с его возвращением на родину из Турции в начале 1870-х гг. Ему не менее 70 лет. В создании его образа автор использует устно-поэтические традиции (особенно героические сказания и песни). Примечательно, что в ходе повествования писатель вставляет поэтические строки, сочиненные им самим в стиле народных героических песен; в них отражаются характер и взгляды главного героя, трагическое положение народа. В первой же песне-вставке сжато и емко показано сложное положение Решида, что не может смириться с потерей свободы и жизнью под чужим небом в отрыве от родины:

Что же делать Гечба Решиду?
Не смог он одеть казацкую шапку,
И в Турции не находил себе места,
А родина превратилась в пристанище диких зверей.⁴³
(подстрочный перевод)

В другой песне утверждается, что «садзов невозможно вернуть на родину, как невозможно повернуть течение реки Мзымта в сторону гор».

Автор обращает пристальное внимание на портретную характеристику героя. Несмотря на пожилой возраст, Решид строен, крепок и энергичен. «Иула видел, что Гость (Решид) выглядел так, как о нем говорят: широкоплечий, с тонкой талией... Ростом выделялся среди мужчин подобных ему... И в молодости по красоте по всей Абхазии никто не мог сравниться с ним. Да, конечно, возраст давал о себе знать. Но походка, взгляд свидетельствовали о том, что он еще был силен и быстр...». «Гость, не опуская ружье, подошел к большому офицеру и левой рукой прихватив его за горло, поднял. Невысокий офицер растянулся до роста Решида...». Портрет словно срисован с

⁴² **Абхазская народная поэзия.** 2-е издание (Сост. Д. И. Гулиа и Х. С. Бгажба; пред. С. Л. Зухба, на абх.яз.), Сухум, 1972, с. 28–29.

⁴³ **Зантариа Д.** Нар улбааит. с. 54.

князя Гечба Арсланбея из картины художника Г. Гагарина «Совещание абхазских предводителей»⁴⁴.

Решид всегда был с народом, воевал за его свободу, не щадил предателей и карьеристов. Для него идеалом национального государственного деятеля был Келешбей Чачба, о котором он размышлял: «Имя Келешбея ураганом разносилась по всей Абхазии. Он вытеснил из страны пашу, сжег и феску, присланную ему падишахом. В то время Келешбей объединил всю Абхазию. За Ингуром овладел крепостью Рух, собрал под свое знамя шапсугов, убыхов и других. Келешбею подчинились Дал–Цабал, Аибга, Ахчипса, Цвиджа. Как говорили наши отцы, укрепилась Абхазия во время правления Келешбея. И мой отец Беслан встал рядом с ним, поддерживал его политику, возглавил его армию. Если у нас был бы лидер такого масштаба, то наш народ не пережил бы такую трагедию. Во времена Келешбея и моего отца Гечба Беслана по всей земле между Сочи и Ингур звучала абхазская песня...»⁴⁵. Очевидно почти полное совпадение позиций Решида и Хаджи Берзека Керантуха из романа Б. Шинкуба. Характер и взгляды этих двух героев во многом совпадали, но ни к чему хорошему не привели — опустела Джигетия, опустела Убыхия.

Однако Решид не застал Келешбея, а встать под знаменем Хамутбея (Михаила) Чачба он не хотел.

Что же делать Гечба Решиду?
Не застал он Келешбея
А под дырявым знаменем Хамутбея
Он встать никак не мог...⁴⁶
(подстрочный перевод)

Решид не был верующим в полном смысле этого слова, не выполнял исламские обряды, но совершил хадж, чтобы увидеть мир; много путешествовал по Европе, где учился его единственный сын. Но в его душе не было спокойно, тоска по родине мучила его. В итоге герой возвращается в Абхазию, а остальные беженцы так и остались на чужбине. Эта проблема (разделенность народа) актуальна и по сей день.

Завершая статью, хотелось бы остановиться на стихотворении поэта и историка Д. Чачхалиа «Джигеты», посвященном Фазилю Искандеру⁴⁷. В произведении отразились

⁴⁴ См.: Чачхалиа Д. Хроника абхазских царей, с. 85–86.

⁴⁵ Зантария Д. Нар улбааит. с. 72.

⁴⁶ Там же, с. 73.

историософские взгляды поэта, который, напомним, давно занимается собиранием и публикацией малоизвестных или неизвестных материалов по истории и культуре абхазов и адыгов (черкесов), напечатал немало статей и две книги — «Абхазская Православная церковь. Хроника. Прибавления» (М., 1997); «Хроника абхазских царей. Статьи. Заметки. Дополнение» (М., 1999). Кстати, во второй книге напечатаны ряд интересных статей о Малой Абхазии, абхазской и черкесской диаспоре в Сирии и Иордании и др. («Храм в Лоо», «О княжеском роде Гечба», «Абхазские персонажи Гагарина», «Абхазия в зарисовках Кастелли», «У черкесов Иордании и Сирии»). Кроме того, он автор двух работ — «Джигетия на политической и этнографической карте Абхазии» и «Историческая топонимика Большого Сочи середины XIX-го века (фамильно-родовая номенклатура)», опубликованных в качестве приложения к книгам Ф. Боденштедта «По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии» (М., 2002) и Э. Мартеля «Кавказская Ривьера. Путешествие по югу России и по Абхазии» (М., 2004) (эти книги изданы благодаря Д. Чачхалиа). В этих работах автор отразил свои позиции, в частности, о Джигетии, ее истории. По мнению Д. Чачхалиа, в письменных источниках и картографических материалах XVIII — первой половине XIX в. под Абхазией подразумевались:

- 1) собственно Абхазское княжество (от р. Ингур до р. Бзыбь или до Гагры включительно);
- 2) Абхазское княжество вместе с Западной Абхазией (Джигетией);
- 3) Абхазское княжество вместе с Западной Абхазией (Джигетией) и Северной Абхазией (условно — Абазинией).

«Малой Абхазией чаще называли северную Абхазию (Абазу, Абадзу); реже — Джигетию. Джигетией называлась территория к западу от р. Бзыбь, чаще к западу от современной Гагры. В разное время у разных авторов западная граница ее обозначалась по реке Хосте, чаще — по речке Мамайке. На самом деле, если иметь в виду западную границу имения Сача, то она проходила по водоразделу, между реками Псахе (Мамайка) и Дагомыс. В новое время в пределы Джигетии порой включали и земли убыхов. Тогда эта граница отодвигалась до р. Шахе... Джигетия в XV–XVIII вв. была не только однородной, но и политически признанной частью Абхазии»⁴⁸.

В стихотворении «Джигеты», с моей точки зрения, речь идет не только о джигетах (садзах), но и о судьбе всего народа. В нем звучат мотивы героической борьбы за

⁴⁷ Чачхалиа Д. Абхазская лира. Стихи и переводы. М, 2010, с. 82–83.

⁴⁸ Чачхалиа Д. К. Джигетия на политической и этнографической карте Абхазии // Боденштедт Ф. По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии. М., 2002, с. 154.

свободу, трагедии народа, потери родины; имя и слава остались в памяти, осталась и земля «а народа нет!», как писал Ю. Лакербай. Не без гордости поэт пишет:

Джигеты мы, мы славили Кавказ
Своею доблестью, своей отвагой.
Не зря зовут джигитами у вас
Мужчин, готовых броситься в атаку.

Джигеты мы! Мы вскормлены землей,
Мы пили родники Шахе и Сочи.
И в час беды мы все рванулись в бой,
Отчизны имя подвигом упрочив.

Нам ненавистен плен, и мы легли
Костями в землю, мы презрели рабство.
Мы и во сне позволить не могли
Себе своих сердец пленопродавство.

Невольно вспоминается судьба убыхов в романе Б. Шинкуба «Последний из ушедших»: воинственный и свободолюбивый народ, тоже славивший «Кавказ своею доблестью, своей отвагой», не смог смириться с рабством, пленом; «в час беды» убыхи, как и джигеты, «рванулись в бой» и «легли костями в землю», оставшиеся покинули родину. Трагические ноты звучат в строках:

Он кремень, из которого не высечь
Уже искры и не разжечь костра,
Что выполнит великую повинность
Быть очагом, чтоб с ночи до утра,
С утра до ночи в нем горенье длилось.

Джигетия — Очаг, Отчизна, Мать...
И нашей песней стала Песнь Раненья.

А рана — глубокая и незаживающая на теле Абхазии, и по сей день звучит «Песнь Раненья»...